

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО ОТНОШЕНИЮ К СЕМЬЯМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ И ИНВАЛИДАМ ВОЙНЫ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В 1941–1945 гг.

Данная статья посвящена проблемам социальной поддержки местными властями Южно-Уральского региона семей военнослужащих и инвалидов войны в 1941–1945 гг. Авторами на конкретных исторических примерах анализируются вопросы комплексного обеспечения указанных категорий населения со стороны государства, региональных властей, промышленных предприятий и общественных организаций.

Ключевые слова: **ВОВ, Южный Урал, социальная поддержка, семьи военнослужащих, инвалиды войны.**

В годы войны со стороны центральных и местных властей усилилось внимание к семьям военнослужащих. Оказание им материально-бытовой помощи имело огромное значение, ибо уверенность в этом не только обеспечивала определенное душевное спокойствие солдат на фронте, но одновременно цементировала единство фронта и тыла.

26 июня 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время». Было установлено, что пособие назначается по месту жительства семьи фронтовика. Размер выплат в городе колебался от 100 до 250 руб., в зависимости от числа нетрудоспособных в семье. 5 августа 1941 г. СНК СССР принял постановление о бесплатном сохранении за военными их жилплощади на все время войны. По указу Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1941 г. жены военнослужащих освобождались от налога на бездетность [1]. В годы войны льготы для семей военнослужащих расширялись по мере возможности.

При горисполкомах в конце июня 1941 г. стали создаваться комиссии по оказанию помощи семьям военнослужащих в составе заместителя председателя горисполкома, городского военного комиссара и заведующего городским отделом социального обеспечения. Они решали вопросы по назначению пенсий и пособий семьям военнослужащих, по их бытовому устройству, по трудоустройству инвалидов [2].

Челябинский обком ВКП (б) в конце 1941 г. осуществил проверку городских служб по вопросам обслуживания семей военнослужащих, в ходе которой выяснилось, что большая часть предприятий социальной сферы работали край-

не плохо. Специалисты Златоустовского отдела соцобеспечения не смогли назвать точное число членов семей фронтовиков. На предприятиях г. Троицка поступавшие жалобы не регистрировались, соответственно не существовало контроля за их исполнением [3, л. 31–31 об.]. В Челябинске в декабре 1941 г. 170 семей красноармейцев проживали в холодных помещениях. Челябинский гортоп имел в достаточном количестве угля и дров, однако для их транспортировки в наличии было всего 2 автомашины [3, л. 41].

Отдельные руководители советских, хозяйственных организаций Копейска в 1942 г. допускали бюрократическое отношение к запросам семей военнослужащих. Так, из обследованных на заводе им. С.М. Кирова 49 семей фронтовиков 18 семей оказались не обеспечены топливом, 4 семьи проживали в совершенно не отремонтированных квартирах, 11 семей нуждались в обеспечении детей обувью и одеждой. Обследование 453 эвакуированных семей начсостава выявило, что 273 семьи нуждаются в топливе, улучшении квартирных условий, снабжении одеждой и обувью [4, л. 19–20]. В начале 1942 г. в газете «Правда» отмечалось, что в связи с бездеятельностью руководства горсовета Шадринска семьи военнослужащих не обеспечили топливом и им пришлось встречать 1942 г. в холодных домах [5].

Большое внимание уделялось эвакуированным семьям военнослужащих, которые прибывали в южноуральские города и временно испытывали материальные затруднения. Им выдавались денежные пособия. С начала войны до середины апреля 1942 г. в Бузулуке красноармейским семьям выдали пособий на 916 тыс. 268 руб. [6] Значительные и регулярные выплаты осуществляли в Орске [7]. Но все же

основным путем оказания помощи таким семьям было трудоустройство.

В г. Чкалове в начале 1943 г. насчитывалось 10820 семей военнослужащих, из них 280 семей имели погибших на фронте родственников. Семьям погибших регулярно оказывалась материальная помощь. За два военных года горсобес выдал красноармейским семьям 1085 пар белья, 350 рубашек, 300 простыней, 150 наволочек, 185 пар валенок и 200 телогреек [8, л. 12].

С 1943 г. акцент стал делаться на оказании конкретных услуг в ходе проводимых в городах региона воскресников, недель, декадников, месячников по оказанию помощи семьям военнослужащих. Население г. Шадринска в начале 1943 г. в ходе месячников и декадников собрало на приобретение путевок в пионерские лагеря для детей фронтовиков 24126 рублей [9, с. 121]. За период декадника в г. Златоусте в апреле 1943 г. районные отделы соцобеспечения и специальные комиссии, созданные на каждом предприятии, провели учет и зарегистрировали 8555 семей военнослужащих, 2674 из которых получали пособия и пенсии. Советские хозяйственные и торговые организации города распределили между семьями фронтовиков 2223 пары различной обуви, более 10 тысяч единиц одежды, 4956 метров мануфактуры, 2410 индивидуальных посылок с мясом, маслом, конфетами и печеньем и др. Однако многие семьи красноармейцев в проведенный учет не вошли. Например, на заводе №259 стахановка цеха №13 А.П. Яцук 17 марта 1943 г. поступила в больницу в состоянии тяжелого истощения. Ни комиссия, ни завком о стахановке завода не знали. О ее состоянии городскому Совету сообщили соседи по квартире [10, л. 4–4 об]. Отсутствие четкого учета семей военнослужащих в городах часто приводило к хищениям и растратам. К примеру, в Челябинске бухгалтер Ленинского райсобеса растратил в 1943 г. 6 тыс. рублей [11, л. 170].

Руководство отдельных предприятий и учреждений Златоуста проявляло бюрократизм по отношению к семьям военнослужащих. Так, работница швейной фабрики, жена военнослужащего А. Белобородова обратилась к дирекции дать транспорт и рабочих для рытья могилы умершей матери и получила отказ в связи с отсутствием на фабрике лошадей и мужчин. Только после вмешательства горисполкома помощь была оказана [10, л. 5].

Нередкими были случаи, когда хозяева квартир, в которых также проживали эвакуированные семьи военнослужащих, под разными предлогами пытались избавиться от соседей. Например, в Челябинске в 1943 г. местный житель Жилиев пытался выселить родственника красноармейца Гольштейна только потому, что он ему мешал. Хотя сам Гольштейн, занимая угол на кухне, вел себя очень скромно [12, л. 71]. У жителя Бузулука Агаркова в квартире проживала семья военнослужащего Москаленко. Желая избавиться от квартирантов, хозяин создавал невыносимые условия для их жизни. В итоге городской суд приговорил его к трем годам лишения свободы [13].

Помощь организаций и населения пяти крупных городов Чкаловской области позволила отделам социального обеспечения в 1944 г. собрать 1232809 рублей для поддержки семей военнослужащих. Основные средства поступали от предприятий и учреждений – 62,3% всех отчислений за год. Общегородские месячники, декадники и воскресники составили 32,2% внебюджетного фонда. Оставшиеся 62476 рублей, или 5,5% внебюджета, поступили от лотереи и подписных листов в Орске и благотворительных киносеансов в Бузулуке [14, л. 170; л. 9–34]. Собранные средства были израсходованы на приобретение путевок в санатории, пионерлагеря, на содержание столовых для детей фронтовиков и оказание отдельным семьям финансовой помощи.

Необходимо отметить, что в годы войны Южно=Уральскому региону оказывалась материальная помощь заграничными вещами. С середины 1943 г. по октябрь 1944 г. в Курганскую область направили 84383 единицы заграничного ширпотреба, в Челябинскую область – 41356, в Чкаловскую область – 21210. В октябре 1944 г. в Курганскую и Чкаловскую области поступили 4 вагона, в г. Челябинск – 3 вагона с одеждой из-за рубежа. В ноябре – декабре 1944 г. Курганская и Челябинская области получили 11000 детских вещей из других стран, в начале 1945 г. в те же регионы направили еще 3 вагона с одеждой [15, л. 1–3]. Точных данных по распределению вещей не имеется, но все же основная масса зарубежного ширпотреба распределялась между эвакуантским населением, детскими домами, семьями фронтовиков и инвалидами.

За период только одного месячника в Шадринске в 1944 г. было выдано 517 взрослых и 648

пар детских валенок, 1066 комплектов швейнотрикотажных изделий, 224 предмета разной одежды, 21973 кг овощей и картофеля и 81640 рублей [16, л. 65]. Кроме того, к 27-й годовщине Октябрьской революции горкомом и предприятиями города за счет подсобных хозяйств и добровольных отчислений рабочими и служащими детям фронтовиков подарили 2500 индивидуальных посылок с продуктами питания. 76 семей за период месячника прикрепили к столовым на получение дополнительного питания [17, л. 213–215].

Одним из мероприятий, направленных на выведение семей военнослужащих из острой нужды, явилась организация индивидуального шефства. В г. Златоусте в 1944 г. к руководящим работникам прикрепили 170 семей. Например, председатель Советского райисполкома А.И. Шейкин взял шефство над семьей Ширяевых, организовав для нее усиленное питание, изыскал средства и помог с одеждой [18, л. 6–7; 19, л. 2–2 об]. При комиссии по оказанию помощи семьям фронтовиков г. Миасса создали фонд для нуждающихся семей [20, л. 14 об].

Социально-правовой кабинет Охраны материнства и детства в Чкалове оказывал содействие семьям военнослужащих. Его сотрудники трудоустроили 100 жен красноармейцев, помогли в приобретении для 115 новорожденных одеял, простыней, пеленок. 90 семей получили жилую площадь [8, л. 8].

В первом полугодии 1944 г. в г. Челябинске насчитывалось 37831 член семей военнослужащих. Единовременное пособие в среднем на семью составляло 200–300 рублей. Отделы соцобеспечения города в 1944 г. уделяли мало внимания вопросам трудоустройства. Как правило, члены семей фронтовиков трудоустраивались сами, а отделы и предприятия ограничивались лишь взятием их на учет [21, л. 59, 65]. Кроме того, количество рабочих могло быть значительно выше, но недостаток мест в детских учреждениях лишал многих матерей этой возможности.

Директор кирпичного завода №2 г. Челябинска Семенов и начальник стройконторы треста «Копейскуголь» Полтавский никаких мер к улучшению материально-бытовых условий семей фронтовиков не приняли, в результате чего многие семьи зимой 1943–1944 гг. проживали в холодных квартирах, с незастекленными окна-

ми. Печи развалились и, несмотря на наличие кирпичей, оставались без всякого ремонта. Помощи в заготовке топлива семьям не оказывалось [22, л. 16]. Председатель завкома Орской ТЭЦ Бедрина на начало 1945 г. не удосужилась учесть все семьи фронтовиков и ознакомиться с их материально-бытовым положением [23].

А в Сталинском районе Златоуста имели место нарушения при выплате пособий и пенсий. Крайне плохо оказывалась семьям военнослужащих помощь промтоварами – на 2700 человек членов семей за 1944 г. выдали 50 штук одежды и белья, 210 метров мануфактуры, 23 пары обуви [24, л. 54 об].

Тяжелым последствием Великой Отечественной войны явилась инвалидность, возникшая в результате военных ранений, а также заболеваний, порожденных условиями того времени. Неблагоприятные санитарные последствия военного времени отрицательно влияли на производственную способность населения. Ряд правительственных актов предусматривал различные формы оказания помощи тем, кто пострадал при защите Отечества.

Формулировка групп инвалидности в период войны устарела. Определение категорий было дано в 1932 г. на основе практики. Но за военные годы состав инвалидов изменился. Если в довоенные годы инвалиды с локальными поражениями опорно-двигательного аппарата составляли 8%, то в 1945 г. их стало 86%. К первой группе инвалидности относились лица, нуждающиеся в постороннем уходе, ко второй – утратившие способность к профессиональному труду как по своей, так и по любой другой специальности. В третью группу входили граждане, неспособные к систематическому труду по своей специальности. Они могли работать нерегулярно либо выбрать профессию, не связанную с тяжелыми физическими нагрузками [25, с. 21; 26, с. 71–72].

Деятельность по оказанию помощи инвалидам Великой Отечественной войны строилась на основании постановлений СНК СССР от 6 мая 1942 г. «О трудовом устройстве инвалидов Великой Отечественной войны» и «О мерах по трудовому устройству инвалидов Великой Отечественной войны». Причем для инвалидов 3-й группы трудоустройство было обязательным. В случае отказа от труда их лишали пенсии [27]. Например, в Троицке в 1944 г.

троих инвалидов III группы за отказ работать лишили пенсии [28, л. 27 об], а в Кургане дела на инвалидов III группы, уклоняющихся от работы, передавали в отдел мобилизации рабочей силы для направления их на работы в общем порядке [29, л. 35–36]. Для тех инвалидов, кто утратил возможность работать по профессии, создавались различного рода курсы, где они получали возможность приобрести новую специальность.

В системе кооперации инвалидов в городах Челябинской и Чкаловской областей в 1942 г. открыли 48 и 8 ремонтно-починочных мастерских соответственно. Их количество на 1 января 1943 г. составило 244 против 188 в начале 1942 г. В 1943 г. в городах Южно-Уральского региона появились еще 34 мастерские [30, л. 94]. Власти стремились обеспечить инвалидов рабочими местами. Однако открытием новых предприятий в сфере услуг дело не ограничивалось.

Жизнь инвалидов войны в городах была такой же сложной, как и у остального населения. Например, в Чкалове осенью 1942 г. эвакуированных инвалидов вселили в квартиры жителей города, однако кроватями и постельным бельем не обеспечили, 90% из них не имели нательного белья. В столовой №4 не организовали нормальное питание для инвалидов Великой Отечественной войны. Посуду мыли плохо и не протирали. Дефицит тарелок, ложек, чашек заставлял калек часами просиживать в столовой в ожидании обеда. Пища готовилась под открытым небом и была постоянно холодной [8, л. 1–1 об].

Но были инвалиды, которые злоупотребляли своим положением. Они подавали заявление в горсовет об оказании материальной помощи, которая им оказывалась. Потом шли в горсобес с подобным ходатайством, и там им оказывали помощь вещами или деньгами. Инвалиды продавали вещи на базаре и потом вновь приходили за материальной помощью. Такой обман в г. Чкалове в 1942 г. происходил достаточно часто [8, л. 12 об].

Чкаловский интернат для слепых инвалидов Отечественной войны при облсобесе, который находился в районе Красного Маяка, в 1943 г. насчитывал 27 человек. Инвалиды были предоставлены сами себе – сотрудники не организовали трудовой процесс, им не читали газет, не информировали о событиях на фронте. Меню

составляли каша, капуста, хлеб ржаной плохого качества. В связи с отсутствием обуви летом приходилось ходить на рынок за табаком в валенках [31, л. 9–9 об].

Комиссии по назначению пенсий инвалидам в городах работали достаточно формально. Поэтому различные проверки вскрывали многочисленные факты переплат и недоплат инвалидам войны. Например, в Челябинске только по 1840 проверенным на конец 1943 г. делам сумма переплаты в райсобесах города превысила 16031 руб., а недоплата – 3671 руб. Пенсионное хозяйство как по трудовому, так и по военному контингенту почти во всех районах было запущено, дела пенсионеров хранились небрежно [32, л. 32 об].

Городские комитеты помощи раненым в Кургане и Шадринске совместно с собесами проводили активную работу по трудоустройству и материальному обеспечению инвалидов войны. В 1943 г. эти организации выдали в целях улучшения здоровья и быта калек 96 тыс. руб., промышленных товаров на 291700 руб., 595 пар валенок, 195 полушубков, 175 меховых жилетов [33, л. 52]. С начала 1943 г. в Кургане обслуживание семей фронтовиков передали во вновь организованный отдел государственного обеспечения, после чего основной работой горсобеса стала забота об инвалидах войны и труда. Инвалиды войны трудились слесарями, шоферами, мастерами и охранниками. Для них в Кургане создали специальный фонд картофеля в количестве 35 тонн. Сложности возникли в обеспечении протезами. Поскольку собственного производства не существовало, все заказы на изготовление протезов по Курганской области выполняла мастерская в г. Челябинске [34, л. 64–66].

В 1944 г. в городах Челябинской области выплата пенсий была поставлена неудовлетворительно. Задолженность инвалидам войны и труда удалось погасить только в начале 1945 г. Имели место случаи, когда пенсия назначалась не на заседании комиссии, а единично заведующим, что являлось грубым нарушением. Например, заведующий горсобесом г. Копейска, выполнявший работу зав. городской комиссией по оказанию помощи инвалидам Великой Отечественной войны, Ф.Ф. Портнягин единолично назначил и произвел выплату пенсий 44 инвалидам войны. Трудоустроенных инвалидов войны в Челябинской области на 1 января 1945 г. было:

второй группы – 44%, третьей группы – 94%. Многие инвалиды, особенно из офицерского состава, занимали руководящие должности [35, л. 1, 3; 36, л. 2, 4 об].

На 1 марта 1944 г. в Магнитогорске насчитывалось 416 инвалидов войны. Из них не трудились 26 человек, мотивируя это тем, что подходящая работа отсутствует. Все остальные инвалиды работали шоферами автобазы «Магнитострой», пожарниками и т. д. Профсоюзы города строго контролировали недопуск инвалидов войны к сверхурочным работам. При Златоустовском горисполкоме в начале 1944 г. организовали комиссию по оказанию помощи инвалидам Отечественной войны, которую возглавил председатель горисполкома Н.М. Архангельский. Вся деятельность комиссии сводилась к выдаче талонов на промтовары. В городской столовой для инвалидов кормили плохо, зачастую обед состоял только из одного супа. На 15 марта 1944 г. в Троицке трудоустроили 97% инвалидов войны. Отоваривание талонов в городе было неудовлетворительным в связи с нехваткой продуктов [28, л. 6, 15, 27]. Однако предприятия старались всячески поддерживать своих подопечных. Так, на Троицком жировом комбинате из 25 инвалидов 14 человек выдвинули на руководящие посты. В столовых выделили специальные столы, в магазинах инвалидов обслуживали вне очереди [37].

В работе Курганского горсобеса в 1944–1945 гг. имелся ряд существенных недостатков: нарушались сроки разбора заявлений по назначению пенсий, обследование бытовых условий работающих инвалидов не проводилось, решения горисполкома о предоставлении нетрудоспособным гражданам жилья не выполнялись [38, л. 3].

К началу 1945 г. в Магнитогорске для инвалидов Великой Отечественной войны I и II

групп, не способных работать по своей старой специальности, не организовали школ и курсов по обучению их новым профессиям. Многие руководители использовали инвалидов на низкооплачиваемом труде. В ОРСе треста «Магнитострой» на 1 января 1945 г. из 21 работавшего инвалида 7 человек трудились швейцарами. 18 инвалидов автобазы металлургического комбината работали на повременной оплате и получали мизерную зарплату [39, л. 23]. В городах Челябинской области в годы войны отсутствовал учет безногих людей. Многие из них не могли получить коляски. Люди ждали их по нескольку лет. «Для меня коляска – это жизнь, хлеб, это ноги, работа», – писал инвалид 1-й группы Гусинский Верховному прокурору РСФСР. С 4 января 1945 г. он регулярно хлопотал о коляске и получал только обещания от Челябинского облсобеса. И только в июле 1945 г., после окончания войны, в регион поступили первые 20 колясок [40, л. 40, 43].

Таким образом, война привела к появлению новых социальных групп, прежде всего это инвалиды Великой Отечественной войны. Появился определенный социальный слой – семьи военнослужащих. Скудность продовольственного снабжения и необходимость сохранения социально-политической стабильности в тылу потребовали принятия целого ряда мер по поддержанию названных категорий населения. Социальные мероприятия, проводимые на государственном уровне (выплата пенсий, пособий), а также разнообразные формы конкретной помощи, принимаемые на местах (создание фондов помощи, ремонт жилья, трудоустройство, индивидуальное шефство и др.) помогли им преодолеть жесточайшие испытания военного времени.

Список использованной литературы:

1. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1941 г. // Правда. 1941. 27 нояб.
2. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941 – 1945 гг. М., 1969. Т. 2. С. 556; Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. 2 дек.
3. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-288. Оп. 4. Д. 276.
4. ОГАЧО. Ф. П-132. Оп. 2. Д. 8.
5. Забота о семьях фронтовиков // Правда. 1942. 8 апр.
6. Солодков, Б. Больше заботы о красноармейских семьях / Б. Солодков // Под знаменем Ленина (г. Бузулук). 1942. 23 апр.
7. Внимание и забота о членах семей фронтовиков // Орский рабочий. 1942. 14 окт.
8. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДННАО). Ф. 267. Оп. 14. Д. 33.
9. Горбунов, А. Шадринск – фронту (1941 – 1945 гг.) / А. Горбунов // Шадринск за сорок лет Советской власти. Шадринск, 1957.
10. ОГАЧО. Ф. П-225. Оп. 1. Д. 1143.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-413. Оп. 1. Д. 388.
12. ОГАЧО. Ф. Р-1142. Оп. 1. Д. 91.

Исторические науки

---

13. За издевательство над семьей военнослужащего – лишение свободы // Под знаменем Ленина. 1943. 5 мая.
14. Сост. и подсч. по: ГАРФ. Ф. А-415. Оп. 1. Д. 64; Д. 79.
15. ГАРФ. Ф. А-415. Оп. 1. Д. 52.
16. Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (ГАОПДКО). Ф. 166. Оп. 2. Д. 298.
17. Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. Р-1504. Оп. 1. Д. 5.
18. ОГАЧО. Ф. П-225. Оп. 1. Д. 1484.
19. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 95. Д. 1148.
20. ОГАЧО. Ф. П-1025. Оп. 1. Д. 219.
21. ГАРФ. Ф. А-415. Оп. 2. Д. 14.
22. ГАРФ. Ф. А-415. Оп. 1. Д. 44.
23. Бюрократическое отношение к семьям военнослужащих // Орский рабочий. 1945. 4 апр.
24. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 45. Д. 2531.
25. Зинич, М.С. Будни военного лихолетья. 1941 – 1945 / М.С. Зинич. М.: Русская пресс-служба, 1994.
26. 50 лет советского социального обеспечения: материалы конф. / Под ред. Л.П. Комаровой. М., 1968.
27. Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. 1942. №5.
28. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 8. Д. 226.
29. ГАКО. Ф. Р-1607. Оп. 1. Д. 77.
30. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7971. Оп. 2. Д. 192.
31. ЦДНИОО. Ф. 267. Оп. 15. Д. 131.
32. ОГАЧО. Ф. Р-964. Оп. 2. Д. 20.
33. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 255.
34. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 3. Д. 127.
35. ОГАЧО. Ф. Р-948. Оп. 1. Д. 186.
36. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 70. Д. 1012.
37. Забота об инвалидах Отечественной войны // Челябинский рабочий. 1944. 5 июля.
38. ГАКО. Ф. Р-1647. Оп. 1. Д. 2.
39. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 45. Д. 2536.
40. ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 1. Д. 585.